

К 30-летию Свято-Филаретовского православно-христианского института

*Интервью со свящ. Георгием Кочетковым, основателем
и ректором СФИ*

*Изменилась ли за прошедшие 30 лет образовательная концепция
института? Если да, то какие наиболее важные изменения произошли
и чем они обусловлены?*

Да, конечно, когда возникал институт, в его основе лежала одна идея, сейчас она несколько иная. Не могу сказать, что изменились самые принципиальные установки, на которых был основан наш институт. Новизна обусловлена, скорее, необходимостью приспособиться к тому официальному образовательному пространству, в котором мы на сегодняшний день существуем. Иногда наши изначальные идеи плохо вписываются в ту логику, которая официально утверждена, и в те требования и стандарты, которые при этом обозначены.

30 лет назад я представлял себе высшую христианскую школу прежде всего как центр уже не научения, как на оглашении, но обучения. Обучение — общецерковное дело, которое призвано хранить и передавать церковную традицию в виде учения и практики, напрямую связанной с этим учением. Вначале именно практика была на первом месте. Я всегда считал, что главным делом в церкви является свидетельство (миссия) и катехизация трех уровней (оглашение первого, второго и третьего этапов¹). Поэтому институт, тогда Высшая христианская (православная) школа, был призван готовить катехизаторов, способных осуществлять полноценное воцерковление новых людей, которых Господь приводит к Себе и, значит, в Церковь. Человек, прошедший обучение

1. Оглашение как первоначальное научение, знакомство с основами веры, молитвы и жизни. Потом период просвещения, где уже излагаются, как правило, концептуальные подходы к тому

знанию, которое нам передает Библия и которое мы черпаем прямо из жизни. Третий этап — это вся область таинств — веры, молитвы и жизни.

в институте, должен был получить хорошие знания традиции из письменных источников, из критики, познакомиться с многообразием форм как мысли, так и действия.

Концепция была такая: христианская жизнь должна быть основана на традиции, которую нужно хорошо знать; получаемые знания должны воплощаться в жизнь сразу, непосредственно; стимул, мотивация получения образования должны быть очень ясными, четкими, исходящими из жизни — как из личной каждого студента и преподавателя, так и из совместной, общей, нашей братской и общинной жизни.

Согласно этой концепции я выстраивал программу постепенного включения студентов в те пласты церковного предания, библейской, догматической, литургической, аскетической традиции, которые могли им пригодиться на разных этапах их служения, в первую очередь в процессе катехизации.

К моменту возникновения института уже была довольно хорошо разработана программа оглашения. Она возникла тоже из жизни, а не из теоретических разработок, и было ясно, что нужно на первом этапе, что на втором, что на третьем. Было ясно, что все это должно быть обеспечено интеллектуальным и духовным познанием. Программа оглашения должна была ввести человека в новую для него жизнь — церковную, христианскую, богочеловеческую. Эта программа должна была быть фундирована, внутренне церковно обоснована, для чего, конечно, предполагалось существенное расширение поля познания по каждому направлению, по каждому предмету. Главный акцент был сделан на тех вещах, которые включены в третий этап оглашения (мистагогию, или таинствоводство). Совсем недавно я закончил разработку таинствоводственных тем, которую начал вести с 1983 г. Они совершенно ясно показывают, что нужно в православно-христианском институте, в системе высшего образования. Потому что система высшего образования — это всегда еще и определенная культура, культура общения и возможность воплощения своих замыслов, т. е. возможность служения по собственному духовному дару.

Наша система образования изначально предполагала многообразие подходов и личностное отношение к студентам. Мы, конечно, в конце 1980-х — начале 1990-х не очень хорошо знали, как это осуществить, и пробовали разные методы. Например, мы просили вместо письменных конспектов писать дневники, которые заменяли бы эти конспекты. Эти дневники позволяли увидеть, насколько человек усвоил то или иное фундаментальное

исследование, насколько он полученные знания смог пережить сам, в своей личной, внутренней и внешней жизни. Конечно, эти записки не были дневниками в классическом смысле слова, они не имели интимного характера. Это были своего рода читательские дневники, которые предполагали некоторое доверие и откровенность в том, что касалось христианской жизни, христианского познания.

Можно было бы назвать эти записки расширенными конспектами или конспектами с личными размышлениями, но мы предложили называть их «дневниками». К дневнику у нас всегда теплое, очень личное и даже задушевное отношение. По-моему, это очень хорошее русское слово. Жалко, что сейчас редко кто ведет дневники. Все студенты, как правило, принимали эту идею очень хорошо.

Концепция нашего вуза долгое время работала успешно. Разные ступени образования соответствовали разным ступеням познания. Предполагалось, что человек, получивший хорошее образование, может быть катехизатором, т. е. он свободно владеет всеми христианскими знаниями, всей христианской традицией, всей христианской культурой. Выпускник нашей христианской школы, доходивший до третьей ступени образования, что соответствует современной магистратуре, мог становиться настоящим мистагогом, который вводит людей в пространство таинств, не просто знает что-то о таинствах, но именно владеет этим духовным пространством и может другим помогать в этом овладении.

Какое-то время мы были вузом не официальным, и на нас не влияла государственная система образования. Свою образовательную систему мы определяли сами, и тогда эта система работала. Но со временем ситуация стала меняться. Приходилось все больше и больше принимать на работу преподавателей, все меньше и меньше делать самим студентам. С 1990 г. мы стали официально богословским факультетом Российского открытого университета, созданного профессором, доктором педагогических наук Борисом Михайловичем Бим-Бадом, и как часть этого университета существовали до 1992 г. В это время мы получили благословение патриарха Алексия II на нашу деятельность. В 1992 г. мы из-за тяжелых экономических обстоятельств в нашей стране вынуждены были покинуть Российский открытый университет: их богословский факультет стала поддерживать американская структура, которая могла платить университету. Мы, конечно, ничего платить в то время не могли. Расстались мы с Российским

открытым университетом очень по-доброму, без каких-либо напряжений, и с Б. М. Бим-Бадом до сих пор поддерживаем добрые отношения, хотя вынужденно почти только заочные.

Потом начался новый этап, потребовавший нашего включения в официальную структуру. Все возможности для этого появились в 90-х годах. Мы стали Московской высшей православно-христианской школой, официальным учебным заведением, уже совершенно самостоятельным.

Со временем стало понятно, что полноценное высшее гуманитарное образование предполагает наличие большого спектра базовых, общегуманитарных знаний, которые должны быть переданы студентам. Это различные методики, методологии, истории, сопутствующие дисциплины, которые учат студентов общаться, создавать письменные работы, выступать перед научной аудиторией.

Сейчас мы вынуждены соотносить свои изначальные задачи с общей государственной концепцией гуманитарного образования и тратить много сил на то, что в жестких условиях советского времени казалось вещами второстепенными или ненужными. Я полагаю, что человек, у которого есть интуиция, какой-то опыт и желание практически воплощать полученные знания в церковной жизни, должен сам уметь решать методологические вопросы, на которые отводится много времени в программах современных вузов.

За прошедшие 30 лет мы очень расширили область своих интересов. У нас существует не только богословское образование, но и религиозноведческое, открывается программа по подготовке социальных координаторов; действует программа дополнительного образования «История РПЦ в XX веке». Сегодня мы должны думать уже не только о миссии и катехизации как практическом выходе и плоде этого образования, но и о смысле истории, о нашем наследии, о наследии нашей церкви, прежде всего об истории Русской православной церкви XX в., крайне трагической и в то же время очень и очень богатой, требующей осмысления и раскрытия.

Мы значительно расширили круг преподаваемых предметов, для того чтобы дать студентам более глубокое и серьезное гуманитарное образование, которого они, как правило, не имеют, поступая в Свято-Филаретовский институт. Но, конечно, остается и та задача, которая существовала изначальна, и та практика, которая требовалась изначала от наших студентов. Сейчас студенты изучают также много дополнительных курсов, которые расширя-

ют их кругозор, помогают лучше понять контекст всех тех богословских учений, о которых мы говорим в процессе обучения.

Нам пришлось осваивать всю технологию современного высшего образования, исходя из принципов Болонской системы. Однако и с самого начала мы строили свою концепцию на основах, которые не противоречили Болонской системе. Это касается и уровней образования, и требований к преподавателям и студентам. Единственное, что нам пришлось всерьез пересматривать, — это отношение к письменным работам. В начале пути нам казалось, что достаточно человеку дать приобщиться к тому или иному материалу и дальше он пойдет сам, а когда потребуются, то он сам исследует проблему, сам об этом напишет. К сожалению, оказалось, что современные студенты не способны к самостоятельному исследовательскому и письменному творчеству. Им приходится очень много помогать, обучая написанию курсовых и выпускных работ.

Мы всегда старались и стараемся приглашать наилучших специалистов по всем предметам. Хотя не всегда студенты могли это оценить и воспринять. Тем не менее мы всегда считали, что духовное, богословское образование должно быть на самом высоком уровне, потому что здесь очень дорого может стоить любая ошибка, тем более всякая фальшь.

В конечном итоге можно сказать, что фактором, оказавшим наибольшее влияние на изменение концептуальной системы образования в Свято-Филаретовском институте, стала именно необходимость следования государственному стандарту, необходимость исполнять те требования, которые в этой области приняты на сегодняшний день как общеобязательные.

Это решение было обусловлено желанием давать студентам диплом, признаваемый государством. Конечно, мы могли бы давать образование без государственного диплома, без аккредитации, только с лицензией. Но мы хотели дать возможность нашим студентам работать вместе со своими коллегами, которые работают в тех же областях, преподают те же предметы. Мы хотели быть открытыми, полезными другим. Нам важно уметь учиться у других и способствовать передаче накопленного нами опыта.

Это были довольно существенные изменения: с одной стороны, мы включились в систему, с другой стороны, тот личностный характер образования, который был в самом начале, несколько ушел вглубь, стал не таким очевидным и ярким, как это было раньше. Но я думаю, что все периоды нашей истории довольно интересны.

Изначально институт был призван готовить катехизаторов. Но на практике выпускники института далеко не всегда занимаются катехизацией. Спектр решаемых институтом задач значительно расширился. Насколько в настоящий момент СФИ справляется со своей основной задачей?

Материал, который преподают и осваивают в нашем институте, является очень желательной и необходимой базой для таких служений, как миссия и катехизация. Но выяснилось, что образовательная система напрямую ни миссионеров, ни катехизаторов, ни мистагогов не готовит. Чтобы стать катехизатором, человеку нужно к образовательной базе, полученной в институте, добавить еще что-то... Поэтому для того, чтобы подготовить людей к ведению катехизации, в Преображенском братстве сейчас существует другая система. Люди сдают миссионерский, катехизационный, мистагогический минимумы. Наличие двух параллельных систем очень показательно для современной ситуации. Оказывается, знаний, полученных в институте, недостаточно для закрепления и адекватной передачи внешнего и внутреннего опыта человека. Катехизатор должен не только внешне знать теорию и историю катехизации, но и то, что связано с экзистенциальным опытом людей. Он должен и сам внутренне меняться и быть живым человеком, включенным в корневую систему церковного опыта. Поэтому у нас люди, желающие быть катехизаторами, должны на первых двух курсах института изучить миссиологию, катехетику и гомилетику, но еще они должны сдать экзамен перед комиссией, проверяющий практику применения этих знаний в контексте особой концепции полноценной катехизации современных взрослых людей.

Одной из принципиальных установок вуза всегда было соединение достижений богословского и светского образования. Сохраняется ли эта установка в ситуации кризиса того и другого образования в России? Какие именно достижения этих областей знания и образования Вы считаете необходимым сохранить в СФИ?

Мы всегда полагали, что нужно снимать противопоставление светского и церковного. Мы понимаем, что легко и просто это не сделать. В жизни часто церковное и светское отделены друг от друга, но мы не хотим разводить их слишком далеко. В образовательной области разделение этих областей к хорошему не приводит. Человек хорошо светски образованный и в церковной жизни

лучше подготовлен к восприятию традиции, знаний, всего того, что дается в церковной системе образования. Человек мало светски образованный редко бывает хорошо образованным духовно. Возникают опасности выпадения в фундаментализм или секуляризм. Не имея светского, гуманитарного образования, не имея, по выражению С. С. Аверинцева, «вышколенного ума», человек плохо воспринимает духовное образование, богословское образование. Все-таки оно оказывается в большой степени глубинно связано со светской философией, с историей и т. д. Священное писание тоже в наше время изучается не только сугубо церковными методами.

Один из принципов образовательной концепции СФИ — сочетание практики и опыта (например, волонтерской каритативной деятельности студентов) с «контентом» богословского и гуманитарного образования. Сохраняет ли этот принцип актуальность сегодня? Почему это важно?

Да, оказывается, что нужно и то, и другое: нужны теоретические знания, нужны концептуальные знания, но нужны и глубины духа и смысла, т. е. нужна практика. Такие экзистенциальные практики, как, например, катехизация, есть и в нашей системе образования. Будущему теологу (богослову) важно выходить за рамки индивидуального познания; познание должно быть церковным, соборным. Конечно, чтобы приблизиться к такому характеру познания, нужно обрести изменение внутреннего качества жизни. Это внутреннее изменение не возникает на пустом месте. Теория помогает, но она не всегда сразу переходит в практику. Здесь нужны дополнительные усилия. Без практики церковной жизни человек, получая теологическое образование, почти ничего не поймет. Конечно, речь идет не просто о каритативной практике, а прежде всего о практике христианской жизни, которая как в Преображенском братстве, так и в институте особым образом организована. Она специально устроена так, чтобы опыт христианской жизни становился личным опытом человека, его личной практикой, причем регулярной и постоянной. Выпускник СФИ не только должен обладать суммой знаний, но он должен уметь увидеть проблему и решить ее, при этом не отделяясь от других и проводя все через себя, через свой разум, через свою жизнь.

Церковная жизнь помогает понимать и то, что написано в Писании, и то, что стало суммой знаний. Мы с этим сталкиваемся, когда пересекаемся со светскими специалистами. Они

могут быть очень талантливыми людьми, но мы видим, что каких-то основных вещей они не понимают, и в результате очень много фантазируют, очень многие вещи упускают. Они не имеют целостного знания, а целостность богословского знания имеет принципиальное значение, как и гуманитарного знания вообще. К ней надо все время стремиться. Ее очень трудно достичь, может быть, и невозможно достичь в полноте, но стремиться к ней надо.

СФИ был задуман как учебное заведение, готовящее мирян для служения церкви. Можно ли сказать, что на сегодняшний день вуз решает эту задачу? Что является для Вас критерием успешности ее решения?

Русская православная церковь на сегодняшний день не является целостным организмом. В церкви существуют очень разные люди, разные тенденции, разная глубина воззрений, разные интуиции; в церкви продолжают сосуществовать традиции, возникшие в разные века. В церкви много разных людей, и они представляют разные позиции, поэтому, конечно, отношение к институту встречается разное. Если люди, например, больше ориентированы на клерикальную идеологическую модель, то им опыт нашего института обычно не близок, потому что в институте большую роль играет сознание не клерикалистское. Подчеркну, не клерикалистское, но при этом не антиклерикальное. Вот это очень важно. Кто определяет отношение в церкви к тому или иному явлению, в том числе к нашему институту? Иногда говорят: «церковь сказала то-то», «церковь определила то-то». Но когда начинаешь смотреть, кто подразумевается под словом «церковь», то становится грустно. Часто от имени «церкви» говорят те, кто к Церкви имеет очень косвенное отношение. Иногда внешние люди буквально диктуют свою волю церковным деятелям.

С точки зрения государства, церковные и светские вузы равны и одинаково должны соответствовать принятым государственным стандартам. Поэтому и наш вуз старается этим стандартам соответствовать. Однако он также соотносит свою деятельность с системой Учебного комитета РПЦ, который сам определяет стандарт образования, хотя и в диалоге с государственной системой.

Конечно, существует определенное напряжение между нашим вузом и церковной системой оценок. Мы иногда с трудом находим общий язык с официальными структурами, такими как Учебный

комитет. Нам представляется, что источник этого напряжения находится не внутри церкви, а вне нее; он внешний, наносной, а значит, временный. Когда кто-то нам говорит, как недавно сказал ректор Московской духовной академии архиепископ Верейский Амвросий, что мы с вами не сотрудничаем и поэтому не допустим вашего представителя на нашу конференцию, то мы это воспринимаем именно как влияние внешних сил, потому что это разговор не по существу, он заранее идеологически окрашен. А разговор по существу был бы, если бы оргкомитету конференции не понравилось содержание доклада. Но доклад как раз понравился, и оргкомитет хотел его опубликовать. Официальные церковные структуры суеверно боятся свободных учебных заведений; им почему-то кажется, что они обязательно должны впасть в ересь, нарушить каноны и т. д.

Что можно сказать о критериях качества работы вуза? Раньше для нас чуть ли не основным критерием был выход на служение Богу и Церкви каждого нашего выпускника. Это не значит, что такой результат был в 100 процентах случаев, но все-таки число таких людей было довольно большим. Теперь напрямую такую цель уже не поставишь и напрямую не сделаешь ее критерием качества нашей работы.

Сейчас для нас важна оценка других людей, выход наших выпускников в различные церковные или околоцерковные, гуманитарные сферы. Мы посылаем своих преподавателей и студентов на различные конференции, число которых все время возрастает. Очевидно, что наши студенты и преподаватели не только справляются, но и получают там очень высокую оценку своих знаний, своих идей, а также умения изложить материал. И для нас сейчас все это очень важно.

Служение Церкви может быть и служением в неформальном смысле, в каком-то мистическом смысле, и служением, вплетенным в определенную систему организаций церковного управления, церковных отделов и т. д. Здесь мы остаемся довольно свободными. Мы и сейчас являемся независимым частным высшим учебным заведением и, конечно, считаем, что нам Господь помогает очень во многом, и вообще немислимо было сохранить институт без Божьей помощи. Разумеется, мы стараемся максимально поддерживать, насколько это возможно, высокий уровень сотрудничества со всеми церковными учреждениями и лучшими учебными заведениями в Русской православной церкви. Но при этом мы хотим сохранить свою самостоятельность, хотим сохра-

нять свою свободу для того, чтобы не потерять то, что мы уже наработали, и то, что нам открылось и что по сути нужно не только нам, но и всем.

Можно ли назвать СФИ «корпоративным» учебным заведением, дающим духовное образование в первую очередь членам Преображенского братства? Насколько вуз открыт к людям не из братства?

К нам поступают разные люди. Конечно, в СФИ учится много членов Преображенского братства — не только москвичей, но и людей из разных городов и стран. Но среди преподавателей и студентов есть люди, не являющиеся членами братства. Когда мы открыли религиоведческий факультет, то число не братских студентов и преподавателей стало быстро расти. Для нас это было, пожалуй, радостным событием, и мы считаем, что интерес, который испытывают студенты и преподаватели, переступая порог Свято-Филаретовского института (по сути университета), — для нас драгоценная вещь. Если людям интересно и они готовы преодолевать все трудности, это немаловажно.

Студенты у нас всегда были особенными и до сих пор таковыми являются. Их специфика не только в том, что большая их часть принадлежит к церковному братству, но еще и в том, что они, как правило, уже имеют высшее образование. Иногда у них есть не только высшее образование, но и научные степени в разных областях. А те люди, которые не имеют полного высшего образования, часто испытывают большие трудности, но мы все-таки стараемся и им помогать.

В СФИ сохранилось большое многообразие подходов к разным предметам и большое разнообразие самих предметов. Наши программы остаются в достаточной степени уникальными, хотя, конечно, ориентируются на государственные стандарты. Но все-таки у людей, которые приходят к нам учиться, есть возможность все восполнить, потому что институт живет тем же духом общинной и братской жизни, что и в самом начале своего существования.

К нам приходят разные люди; могут возникать противоречия, когда люди привыкли к какой-то другой ситуации или другой структуре. Да, бывают иногда и сложности. Но все-таки, слава Богу, все учатся, и учатся, как правило, успешно, и мы радуемся этому и смотрим на результаты. Мы не снижаем планки, хотя имеем на это полное право, ибо, может быть, в институте

даже немного завышена планка качества образования. Сейчас же во многих местах эта планка при прочих равных стоит несколько ниже.

В нашем институте было много выдающихся преподавателей, не только постоянных преподавателей, но и приглашенных, которые читали у нас или целый курс, или всего одну лекцию, или небольшой цикл лекций. Достаточно назвать имя Сергея Сергеевича Аверинцева. В институте читали лекции и известный философ Владимир Вениаминович Биbihин, и знаменитый католический литургист иером. Михаил (Арранц). У нас всегда было и сейчас остается много друзей, которые нам помогают приглашать для работы в институте преподавателей, профессоров самого высшего качества. Мы этому очень рады и не считаем это лишним в наше время, хотя и понимаем, что студентам бывает сложно, но тем не менее мы уверены, что качество образования очень важно.

Согласно государственному диплому, СФИ готовит теологов. Теология в настоящий момент признана в России научной специальностью. Однако мы видим, что в западном мире теология переживает очевидную секуляризацию. Какое значение имеет теология в системе гуманитарного образования в России сегодня? Какой образ выпускника-теолога Вам кажется сейчас востребованным в России, необходимым для нашего общества?

Теология может существовать и как объективированная наука (тогда это будет скорее рассказ о теологии, о теологических проблемах, о теологических учениях, об истории богословской мысли и т. д.), а может существовать как передача того опыта, который содержится внутри церкви — в церковных догматах, в богослужении и т. д. Это, безусловно, не одно и то же. Мы не против ни того, ни другого. Мы не поддерживаем противопоставление двух подходов к теологии, к богословию, потому что можно это прекрасно сочетать, так же как в изучении, например, Библии вполне возможны как строгие историко-филологические научные подходы, так и необъективированное духовное познание тех основ, на которых строится откровение слова Божьего. Я вообще считаю, что если что-то качественно делается, то конфликты возникают редко, разве что с людьми слишком фундаменталистски или секуляристски настроенными. У нас добрые отношения с самыми разными специалистами, верующими и неверующими.

Мы считаем — это только плюс для нас, что мы можем понимать друг друга, говорить на одном языке друг с другом. Пусть у каждого остаются свои особенности мысли, действия, жизни.

Светская теология — это вполне полезная гуманитарная наука. Светский, и даже неверующий, человек может изучить Священное писание как литературный, исторический, художественный памятник; входить во всякие исследовательские тонкости в этой области. Но кроме научного опыта у студентов наших и особенно у преподавателей должен существовать еще и личный, а желательно и личностный, духовный опыт. Мы стараемся внимательно смотреть, чтобы наши преподаватели и студенты не отставали от духовного процесса. Иногда люди приходят с уже выработанными навыками получения высшего образования, они привыкли, что в вузе все преподается объективированно, препарированно, как истина в последней инстанции. Им бывает трудно отойти от этого образа мыслей и чувств. Мы стараемся расширять сознание людей, давать им знать обо всем. Поэтому у нас есть возможность развивать теологическую мысль. Глубокий творческий процесс происходит у нас на разных кафедрах. С другой стороны, мы считаем, что и строгая объективированная наука, хотя менее экзистенциальная, менее живая, приносит большую пользу.

Уже более 10 лет в институте работает факультет религиоведения, на котором обучаются как верующие, так и неверующие студенты. Зачем православному церковному человеку знать другие религии? Почему СФИ учит неверующих студентов другим религиям, а не только христианству?

Особенность факультета религиоведения в том, что мы передаем именно знания, объективированные знания о религиях. Но мы стараемся это делать глубже и адекватнее, не только в рамках так называемого «сравнительного богословия». Сама по себе область религиоведения содержит много интересного. Во-первых, когда христианин выходит за свои рамки, он начинает больше ценить то, что у него есть. Во-вторых, он учится и других ценить больше. Он начинает видеть конкретные примеры того, о чем говорят и святые отцы, и наш опыт. Нет абсолютно ложных религий. В каждой религии есть что-то ценное, что-то истинное, есть те или иные элементы, которые могут быть восприняты христианином как свои. Православному человеку очень важно расширять свое самосознание, очень важно видеть что-то за пределами, за рам-

ками исторической церкви; видеть, как Господь действует в этом мире, как люди, имеющие внутри себя образ Божий (а все люди имеют призвание к богоподобию), реализуют этот образ, это призвание в тех культурах, религиях, обществах, исторических эпохах, которые нельзя назвать христианскими. Уже древняя церковь говорила о «христианах до Христа», называя так языческих философов или поэтов.

Не надо сужать потенциал христианства, которое способно очень творчески, глубоко и адекватно относиться к другим традициям. Да, студентами факультета религиоведения могут быть неверующие люди. Ну что же, что они неверующие? Если они идут за знаниями о религиозных традициях, то почему же им этого не дать? А дальше пусть они сами думают, хотят они это приложить к своей жизни или не хотят; хотят они выбрать какую-то одну традицию или другую. Это уже дело их совести. Мы им предоставляем свободу и подчеркиваем, что мы никого никуда не перетягиваем и никого не агитируем. Такой подход очень важен для современных людей, которых часто кто-то куда-то пытается затянуть или перетянуть. Все-таки для православного человека первичен дух любви, свободы, открытости, доверия, дух признания Божьих даров в разных людях.

Мы не скрываем от студентов, что в одних религиозных системах учение о Боге ясно выражено, в других — оно или отсутствует, или затемнено. Мы очень высоко ценим именно факультет религиоведения. Многие студенты СФИ, даже завершившие уже обучение на бакалавриате богословского факультета, потом идут на факультет религиоведения, чувствуя, что им трудно будет учиться в магистратуре. Они получают еще одно образование, которое, как они говорят, прекрасно дополняет теологическое, тем более что на факультете религиоведения у нас преподают очень хорошие специалисты.

Кем Вы хотите видеть выпускников факультета религиоведения СФИ?

Людьми, чуткими к духовному опыту и духовному познанию, способными ценить всякое подлинное духовное откровение и познание, становясь знатоками в этой области. Мы считаем, что этого очень не хватает в нашем народе, в нашем обществе, в нашей культурной традиции. Нам важно восполнить все те лакуны, которые образовались в XX в. Мы хотим, чтобы люди были не начетчиками, а именно просвещенными людьми в самом высоком

смысле этого слова, чтобы в них чувствовались свет, доброта и красота. Это, конечно, относится не только к факультету религиоведения, а ко всем видам образования, в нормальном случае вообще ко всем членам церкви.

Мы радуемся тому, что у нас есть возможность давать религиоведческое образование, возможность говорить о Боге и о Христе пусть несколько на ином языке, немножко с другими акцентами, но говорить разным людям, как верующим, так и неверующим. Это оказалось очень плодотворно. Я думаю, что факультет религиоведения имеет большие перспективы, потому что эпоха, когда в нашей стране религиоведами становились вчерашние атеисты, т. е. люди, как правило, глубоко невежественные во всех духовных вопросах, проходит, а возможно уже и прошла.

В чем различие между выпускниками факультета теологии и выпускниками факультета религиоведения?

Разные исходные точки, разные исходные позиции. Когда свою веру, свой путь и свою традицию начинает познавать уже верующий человек, он твердо стоит на ногах. У него иногда бывает даже слишком большая успокоенность по этому поводу. Человек неверующий находится в состоянии поиска. Он имеет, может быть, менее глубокий, не такой последовательный и целостный опыт духовной жизни, но тем не менее он его имеет. Верующий и неверующий человек как бы идут друг другу навстречу. И у нас складываются очень добрые отношения между людьми, кто бы кем ни был. Это не значит, что мы готовы все уравнивать и считать как теософы, что это разные формы одного и того же опыта. Нет, мы прекрасно понимаем, что есть разный опыт и есть разные формы одного и того же опыта, и нужно понимать и то и другое, и знать границы того и другого. Поэтому наше стремление — всем открыть путь к духовному просвещению на высоком уровне для того, чтобы люди понимали друг друга, для того, чтобы они могли делиться своими духовным богатствами и постоянно накапливать их в жизни.

У нас бывали такие случаи, когда люди приходили учиться в институт не православными, а заканчивали его православными. Были случаи, когда люди оставались при своем. Но были и случаи, когда верующие люди заражались скепсисом, потому что церковная история далеко не всегда была ясной и радостной. Когда люди ее узнают, им бывает иногда трудно с этим смириться,

им начинает казаться, что христианство не смогло себя воплотить в истории. Знания иногда заражают людей скептицизмом, а это для христиан очень нежелательное явление. Христианин должен всегда быть вдохновенным, благодарным и радостным, но для этого должно быть серьезное основание, человек должен пережить какой-то кризис. Всякий человек должен уйти от детской веры и обрести взрослую, мужественную веру, способную выбирать и способную отказываться от всего лишнего, не просто суетного, но и ошибочного в своем прежнем опыте и в своих прежних взглядах и верованиях. Вот это трудно. Да, такой кризис бывает — и даже не редко. Но без этого нельзя. Все-таки взрослая вера нужна взрослым людям. Я имею в виду духовную взрослость здесь больше, чем физическую.

Так что такие проблемы тоже есть в институте, и мы за этим тоже смотрим, мы не хотим, чтобы люди теряли веру, но мы понимаем, что для этого надо не внешние усилия прилагать, а какие-то внутренние, более личностные и глубокие.

В последнее время в институте появилось дополнительное профессиональное образование (ДПО) по церковной истории XX в. и ДПО «Социальная работа в системе долговременного ухода». Какие тенденции в жизни и образовании страны привели к появлению в христианском вузе, изначально ставившем задачу подготовки катехизаторов, этих специальностей?

Это требование жизни, потому что мы видим, что наш народ находится в кризисном состоянии, как и наша церковь, наше общество, государство, культура и проч. Но из кризиса надо выходить. Кризис ведь может и убить, если из него не выйти. Чтобы выходить из кризиса, требуется обращенность к современным проблемам общества, а также заполнение лакун, которые образовались в истории, в историческом движении народов, церквей, обществ и государств.

Мы видим, что люди очень плохо знают историю, прежде всего, церковную историю. Поэтому они не могут учиться на ее ошибках и достижениях. Они не могут часто найти современные ответы на современные вопросы. Поэтому без ДПО по истории Русской православной церкви XX в. оказалось очень трудно, тем более что история XX в. — богатейший материал, но мало изданный, плохо описанный, почти концептуально не проанализированный. Думаю, что у этого начинания очень большие перспек-

тивы. Еще в течение долгого времени такой факультет, или такое отделение, будут востребованы. Надо исцелять память, без этого церковной жизни в полноте не будет, надо помогать людям трезвенно смотреть на прошлое, настоящее и будущее.

Но людей надо исцелять не только духовно, но и душевно, физически. Помогать им переживать те кризисы, в которые они попадают из-за особенностей жизни в современную эпоху. Поэтому социальный факультет тоже очень важен. Нужно проявлять свое милосердие по-христиански, системно. Не довольствоваться «бессистемной благотворительностью», как называл это Николай Николаевич Неплюев в конце XIX в. И, конечно, нам надо в связи с этим снова шире открывать свои двери. Например, когда мы объявили о создании программы, ориентированной на магистерский уровень, по истории Русской православной церкви XX в., пришло много новых людей; но все-таки это в основном были люди церковные, верующие. А вот когда мы открыли отделение по подготовке социальных координаторов, то пришли волонтеры благотворительных проектов и движений. Оказывается, в наше время им легче усвоить идеи милосердия, они имеют опыт сострадания к другим людям — болящим, страждущим, а таких в нашей стране множество.

Мы рады тому, что мы можем и практически, и исторически, и теологически отвечать на современные нужды церкви и общества. Мы рады тому, что мы можем восстанавливать чисто христианский взгляд на человека, на отношения людей, на судьбу человека, на все важные для каждого человека стороны жизни.

Осознает ли институт себя научной и/или богословской школой?

Разработку каких научных или богословских проблем Вы считаете задачей первостепенной важности? Что делается в этом направлении?

Мы не ограничиваем свободы духовного и научного поиска наших студентов и преподавателей. Конечно, у нас есть определенные акценты, которые мы считаем приоритетными для нашего института. Это прежде всего такие уникальные курсы, как миссиология, катехетика, введение в основные понятия христианской мистики. У нас очень широкий и серьезный подход к философии. Такого количества часов на философию, по-моему, ни один богословский вуз не выделяет. Это не случайно, потому что очень связано с серьезным пониманием богословского, а не только философского наследия.

Мы не Академия наук, а хочется объять как можно больше. Но лицо нашего института, мне кажется, достаточно хорошо просматривается. Все приходящие к нам преподаватели говорят, что наши студенты особенно заинтересованы в получении знаний. Они лично увлечены тем, что они слышат, они постоянно активно реагируют на то, что им говорят с кафедры. Это, конечно, нас радует, это нормально, это хорошая реакция. Люди не боятся выбирать острые вопросы, затрагивать острые проблемы, т. е. проявлять свое дерзновение, смелость, мужество на научном и богословском поприще — это большой плюс. Если не терять при этом голову и смирение прибавлять к дерзновению, то плоды появляются самого высшего качества.

Я уверен, что наша Школа имеет свое лицо и свои акценты. Кому-то они нравятся, кому-то не нравятся. Пока не сложилось такой терминологии, пока никто не говорит о «филаретовской школе», как говорят о «парижской школе», имея в виду особое направление мысли, духовного действия и познания, но я уверен, что это со временем будет. Мы открыты ко всем, но при этом мы несем свой духовный опыт, свои акценты, свои взгляды, свои достаточно неординарные подходы, которые лицо института делают ясным и вполне узнаваемым.

*Какими Вы видите перспективы развития духовного образования в России?
Каковы перспективы развития Вашего вуза?*

Я надеюсь, что в нашей стране всегда будет достаточное количество людей, взывающих качественного духовного образования. Я надеюсь, что будут люди и для того, чтобы качественно ответить на этот запрос. Мне кажется, что перспективы должны быть связаны прежде всего с тем, чтобы прививать людям вкус к высокому познанию, к высокой культуре, к христианской мысли, к христианской жизни, к творческому дерзновенному и в то же время уважительному отношению к наследию. Мне кажется, что сейчас это должно быть на первом месте везде, начиная с простых духовных училищ и семинарий и кончая духовными академиями, университетами и таким вузом, как наш.

Мне хотелось бы, чтобы в духовном образовании в нашей стране было меньше схоластики, меньше формализма, чтобы было меньше функционализма в этой сфере, чтобы меньше было желания построить себе карьеру, занять какое-то место только ради собственного удобства и честолюбия. Мне хотелось бы,

чтобы люди шли и получали духовное образование ради Бога и ради ближних, ради какой-то устойчивости и полноты своей собственной христианской духовной жизни.

Мы не противопоставляем себя никому, но идем тем путем, который открывает нам Господь. Мы видим, что он не в точности такой же, как у других, но мы ценим тот опыт, который есть именно у нас. Нам есть чем поделиться с другими. И у других, надеюсь, всегда найдется то, чем они захотят поделиться с нами.